

ЦК. ВВП/6/ - тов. СТАЛИНУ.

Великий и мудрый вождь! -

Я стою на коленях перед партией и тобой, ее великим вождем и прошу пощады и помощи. Ты был бесконечно прав, предвидя вырождение оппозиции в подонки контрреволюции. Ты был исключительно терпелив, разъясняя контрреволюционную сущность оппозиции и многократно пытаясь вернуть на партийный путь, нас, людей, оторвавшихся от партии и рабочего класса, ставших авангардом контрреволюции, превратившихся в амальгаму предательства, двурушничества, лжи, клеветы, трусости, низкопробного политического интригантства. Ты был чрезвычайно мягок к бывшим оппозиционерам, заявлявшим о своем отходе от оппозиции, надеясь что они смогут исправиться и проводить линию партии, а они, как оказалось, шли в партию под знаменем, под которым было написано: "ложь бывает во спасение".

В слепой злобе и со звериной яростью, зиновьевская оппозиция выдвинула лозунг о перерождении руководства партии, все время поддерживая его в своих рядах, а на проверке оказалось, что полное перерождение постигло саму оппозицию и что именно она и только она оказалось сброшенной на самое дно белоэмигрантских испражнений, в этих испражнениях захлебывалась, их ароматы распространяла, являлась рупором всех белогвардейских буржуазно-реставраторских настроений! Варясь в собственной блевотине, зиновьевская оппозиция измышляла контрреволюционную клевету против тебя, против партии, муссируя всякие слухи и сплетни о мнимых разногласиях в ЦК, ища щель, в которую можно было бы просунуть свое свиное рыло.

С XIV-го партийного съезда я прошел весь контрреволюционный след за ЗИНОВЬЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ - путь, подчиняя его задачам все остальное и несущая за него всю полноту ответственности. Но даже я ужаснулся, когда услышал все то, что было сказано на процессе. Оказалось, что двурушничество и ложь были со стороны вождя организации двойными: гнусно лгали не только пар-

тии, но и своим ближайшим единомышленникам. Несмотря на то, что я был тесно связан с ЕВДОКИМОВЫМ, КУКЛИНЫМ и другими, я только на процессе впервые услышал о переговорах с ТОМСКИМ, МРАЧКОВСКИМ, И.Н. СМИРНОВЫМ, ШЛЯПНИКОВЫМ, СМИЛГОЙ, о сводничестве САФАРОВА и т.д. Это делалось для того, чтобы не растерять последние остатки своих кадров: боялись не только ЦК, не только партии, но и своих единомышленников.

И вот почему я на процессе заявил, что считая наиболее полной и правильной ту оценку контрреволюционного пути зиновьевской оппозиции, с изложением наших контрреволюционных взглядов, которую дал ЕВДОКИМОВ я не присоединяюсь к нему, как это говорил целый ряд подсудимых. Мне кажется, что волнение помешало мне развить свою мысль.

Я не хочу больше ни к кому присоединяться за исключением партии, я не хочу больше ни за кем идти, кроме СТАЛИНА. Я, в одинаковой мере, самым резким и решительным образом осуждаю, отвергаю и проклинаяю, как свое антипартийное контрреволюционное прошлое, так и своих бывших вождей и руководителей, за которым я шел: -ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА, КУКЛИНА и других. На суде ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и другие из тайников своего грязного исподнего белья, вытаскивали все новые и новые факты своей контрреволюционной работы, которые они скрывали даже от единомышленников, один другого грязнее и гнуснее, все вместе взятые, образующие буквально клоаку политической беспринципности и гнуса.

Я это говорю, не в целях ослабления своей вины: моя вина также велика, как и всех остальных и раз я был активным членом организации, я несу полную политическую ответственность за все, что делалось и вынесенный судом приговор является безусловно правильным. Я был тесно и систематически связан с руководящими членами центра. Я вел контрреволюционную работу, я информировал членов ~~ЦЕНТРА~~ о всем том, что знал о состоянии страны, по материалам, которые имел в Прокуратуре. Мне партия доверила ответственную полити-

ческую работу, я обманул доверие партии в интересах контр-революционной организации и никакого смягчения моей роли быть не может. Я привожу это только для того, чтобы характеризовать всю бездну падения, в которую мы ~~скатились~~^{опу}лись.

Я не согласен с утверждением БАКАЕВА, что " крепло контр-революционное зиновьевское подполье! Оно не крепло, а разлагалось, заживо гнило и политически издыхало. Не было и нет в Советском Союзе причин, в силу которых контр-революционное подполье могло крепнуть. Именно потому, что оно разлагалось и заживо гнило, подонки организации пошли по пути, к которому прибегает оголтелый и издыхающий классовый враг, по пути, которому несомненно бешенно рукоплещет вся фашистская сволочь, все заядлые враги рабочего класса.

Быстрота этого разложения и догнивания была обратно пропорциональна росту силы партии, мощи советского союза. И сейчас, когда сила и единство партии, мощь Советского Союза поднялись на небывалую высоту, подонки зиновьевской организации выпустили яд последнего издыхания, а вся зиновьевская организация окончательно и навсегда крахнула, захлебнувшись ядом собственных испражнений. И не случайно, что это произошло сразу после исторических решений Ноябрьского пленума ЦК, наглядно показавших, каких результатов добилась партия, под твоим руководством, в деле построения социализма.

Моя личная вина усугубляется еще и тем, что последние годы, видя и ощущая победы партии, понимая, что Сталинский путь оказался единственно верным и правильным, я не нашел в себе сил порвать с организацией, продолжал в ней состоять и вести контр-революционную работу. Логика борьбы, личные связи заставили меня с неудержимой силой продолжать катиться по пути контрреволюции и двурушничества.

Контрреволюционная работа зиновьевской организации слишком дорого обошлась партии и стране.

Для меня ясно, что эти два месяца тяжело и болезненно воспринимала вся партия, тяжело и болезненно воспринимал и ты, ее великий вождь. Это непосредственно вытекает из всей твоей борьбы с оппозицией, в которой ты всячески старался раньше убедить, разъяснить, доказать, а не отсекать и уничтожать, так как хотел оставить в партии всех способных исправиться, способных вести борьбу за социализм.

Сообщение о том, кто убил - застало меня в Харьковском районе, где я проводил районный съезд Советов. И как это не было мне тяжело я, за два дня до своего ареста, в заключительном слове, закрывая съезд осветил контрреволюционный путь зиновьевской организации и заявил, что непосредственно ответственными за гнуснейшее преступление являются - ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, КУКЛИН и другие. И, по моему предположению съезд отправил об этом телеграммы тебе и секретарю Крайкома - В.ИВАНОВУ. Но у меня не хватило сил тогда, как и при моем аресте - т.т. Акулову, Ежову и Вишинскому сразу сказать - что раз я был активным членом организации, то в равной мере должен отвечать и я.

Сейчас меня больше всего страшит то, что я выброшен за борт жизни, что я лишаксь, возможности на деле, на работе доказать, что хоть в миллионной доле я могу загладить свои преступления перед партией, что мне предстоит общение только с заклятым и врагами рабочего класса.

С 19 лет я начал работать в ленинградской организации, ею был воспитан и прошел за ее руководителями вначале по революционному, а потом по контрреволюционному пути. До 1935 г. я никогда не обращался к тебе, никогда не рассказывал ЦК о своем пути.

Я хочу жить и работать, во мне еще есть достаточно сил для работы, я молю тебя помочь мне, окончательно вырвавшись из плена контрреволюционного болота, на деле, на работе хоть скольконибудь загладить причиненный мною вред, я молю дать мне возможность жить и умереть не среди врагов рабочего класса, а в борьбе за партию, за рабочий класс, за великого и мудрого вождя - т. СТАЛИНА.-

18/1-1935г.-

Сахов.

Б. САХОВ.-